

нее, случайное, архаическое, какой-то пережитокъ. Точно передъ вами мантия и парикъ англійскаго чиновника или шерстяной мѣшокъ, на которомъ, по традиціи, сидятъ и донинѣ министры въ британскомъ парламентѣ.

Толстой—графъ, и идетъ въ портахъ, по бороздѣ, за сохой. Толстой—дворянинъ, и отрицаетъ всякое званіе кромѣ человѣческаго. Толстой—помѣщикъ—и проповѣдуетъ, что земля Божья. Толстой—самъ бывшій рабовладѣлецъ, и всю жизнь ратуетъ за свободу человѣческой жизни и духа. Толстой—офицеръ, совѣтуетъ поголовный отказъ отъ воинской повинности. Толстой—„великій писатель-художникъ русской земли“, (это признанный его титулъ) приходитъ къ заключенію, что „науки, искусства, музыка—одно баловство“. Писательство считаетъ пустяками. Толстой—беззавѣтный приверженецъ Христа, не менѣе, если не болѣе любого богослова, потратившій времени на экзегетику и переводъ святой книги,—этотъ Толстой—вѣроотступникъ, анагема, антихристъ, отлученникъ въ глазахъ не одного только официального духовенства. Толстой, женившійся по любви, имѣющій дѣтей, семью, узнавшій всю цѣнность женской любви, высказывается за постоянныя дѣвственность, цѣломудріе и, слѣдовательно, какъ бы противъ брака и семьи.

Таковы антиноміи его личности. Ихъ можно продолжать. Но и приведенныхъ довольно...

Какая сѣть противорѣчій! Передъ вами—то человекъ „comme il faut“, „изящный французскій выговоръ“, „длинные отчищенные и чистые ногти“, „перчатки“, „на лицѣ выраженіе нѣкоторой изящной чрезвычайной скуки“, отношеніе санага къ цыганъ-